

Философия труда

Все экономические исследования вращаются вокруг центральной проблемы — экономической ценности. Что такое ценность, как она воплощается в вещах, как она затем распределяется, как она нами воспринимается? Понятно, почему мы задаемся подобными родами вопросами — ведь ценностью вещи мы называем именно то, что привлекает наш интерес к этой вещи, тот внутренний процесс — вследствие своей фундаментальности не поддающийся определению — без которого невозможно практическое отношение ни к чему на свете. Всякое человеческое творчество есть по своей цели творчество ценностей и даже разрушение может привлекать лишь постольку, поскольку оно есть разрушение ценностей. Над миром бытия возвышается мир ценностей, мир, правда, существующий лишь в сфере наших стремлений, наших чувств, мир, дающий совершенно иную классификацию вещей и отношений, чем та, которая соответствует простому бытию, но в то же время это самое бытие получает для нас какое-нибудь значение лишь благодаря ему, миру ценностей. И как мало мы в состоянии сказать, что же такое бытие, так как оно уже содержится во всяком представлении, из которого его хотят вывести, так же мало мы можем вывести понятие ценности из какого-нибудь более обширного понятия, которое уже содержит его в себе в скрытом состоянии. Познание, направленное на сущность ценности, может лишь помочь нам во всякой обширной сфере бытия вскрыть те субстанции, процессы или формы, с которыми ценность неразрывно связана, как со своими носителями и выразителями, которые своей величиной указывают величину воплощенной здесь ценности. Так этика в счастье всех или в «доброй воле», или в целостности личности, или в свободной разумности поступков видит тот элемент, с которым в области этики всегда связывается ценность; так философия, опреде-

ляя истину как тождество мышления и вещей, или как тожде-ство мышления с самим собою, или как воспроизведение ми-рового процесса в сознании стремится охарактеризовать этим ту форму познания, в которой воплощается его ценность; так эстетика в «принципе прекрасного» стремится выделить ту форму или значение вещей, степень развития которых служит мерилom эстетической ценности; так экономические теории ста-раются уяснить те факторы, которые в области экономической действительности создают понятие экономических ценностей: факты, что вещи вступают в обмен, что они обладают полезно-стью, что они сравнительно редки, что они суть продукты тру-да, служат мостом из мира действительности в мир ценностей и хотя эти факты сами по себе всецело принадлежат миру дей-ствительности, но своим существованием они показывают, что, и в какой степени, мы имеем дело с экономическими ценностями, которые сами по себе не подлежат дальнейшему объяснению.

Не объявляя ни одну из существующих теорий экономичес-кой ценности исключительно научной, я считаю самой интерес-ной из них, по крайней мере с философской стороны, теорию трудовой ценности. В труде объединяются психика и физиоло-гия человека, его интеллект и воля, лишенные для нас всякого единства, пока мы рассматриваем их в простом сосуществова-нии; труд — это объединяющий поток, в котором сливаются в нераздельное целое отдельные стороны нашей природы, он по-гашает различия в их сущности в безразличии производимых продуктов. Если труд действительно является единственным носителем ценности, то тогда ценность в силу этого факта вы-ражала бы самую суть нашей практической природы, идеальность ее существа нашла бы самое точное выражение, какое только оно может найти во внешней реальности. В сравнении с этим значением труда мне кажется второстепенным вопрос, не сле-дует ли отрицать за трудом ценность на том основании, что он скорее сам впервые создает ценность, подобно машине, кото-рая обрабатывает вещество, но сама не обладает формой, придаваемой этому веществу. Именно потому, что придают ценность только продуктам человеческого труда, сам этот труд, представляющий физиологическую функцию, не может обла-дать ценностью, присущей лишь рабочей силе. Рабочая сила поддерживается в человеке благодаря потреблению жизнен-ных продуктов, которые в свою очередь суть продукты чело-веческого труда. Превращение рабочей силы в конкретный труд не требует нового труда и не означает, стало быть, само по себе никакой ценности; эта ценность воплощается лишь снова

в продуктах, созданных подобным трудом. Поэтому и предприниматель покупает собственно не труд рабочего, а его рабочую силу и притом, говоря вообще, по ценности, которая должна затрачиваться на ее воспроизведение, т.е. на содержание рабочего. Это разделение имеет важное значение для социальных учений, так как оно прочно обосновывает теорию, что рабочий получает лишь часть производимой им ценности. Его труд создает большую ценность, чем та, которая заключена в его рабочей силе, в форме стоимости ее содержания; покупая всю рабочую силу по цене стоимости ее поддержания, предприниматель получает при этом весь тот излишек, на который эту цену превышает цена конечных продуктов труда. Однако, по существу дела мне кажется, что весь этот вопрос есть вопрос терминологии, ибо если даже придавать ценность не рабочей силе, а труду, то и тогда придется все-таки отличать часть ее, поступающую рабочему в виде заработной платы от другой ее части, поступающей предпринимателю в виде прибыли. Не стану поэтому подробнее рассматривать этот вопрос, а постараюсь лишь в нижеследующих строках выяснить обычную формулировку теории трудовой ценности: она пытается установить понятие труда, одинаково применимое к мускульной и к психической работе, причем фактически она считает мускульный труд первичною ценностью или создателем ценности, считает его масштабом всякой работы вообще. Было бы ошибкою видеть в этой теории выдумку социалистов и стремление унизить более глубокие и более сложные причины.

Относительно роли умственного труда замечали прежде всего, что он не представляет никакой «затраты», не требует никакого замещения использованных веществ и вследствие всего этого не повышает стоимость продукта, в силу чего меновую ценность может представлять лишь мускульный труд. Когда, возражая на это, говорили, что и психическая сила истощается, что и она подобно физической должна поддерживаться и возмещаться путем питания, то при этом обыкновенно упускали из виду ту долю истины, которая несомненно заключается в этой теории, хотя бы и в качестве лишь инстинктивного чувства. Участие ума в производстве продукта обнаруживает две стороны, которые должно строго отличать друг от друга. Если столяр изготавливает в настоящую минуту стул по давно известному образцу, то, конечно, делает он это не без затраты психической энергии, — его рукою управляет сознание. Но ни в коем случае этим одним не исчерпывается весь психический элемент, вошедший в стул. Этот стул нельзя было бы произвести без психической деятельности того, который, быть может, не-

[468]

сколько поколений тому назад изобрел эту форму стула и затраченная им при этом психическая энергия представляет практическое условие теперешнего производства стула. Но содержание этого второго психического процесса продолжает уже существовать, не требуя более никакой затраты на себя психической энергии — оно существует как традиция, как сделавшаяся объективной мысль, которую всякий может усвоить себе. В этой-то именно форме она и продолжает действовать в процессе производства стула, образуя содержание психической функции, выполняемой, конечно, субъективной энергией столяра, воплощающего ее в форму продукта.

Эти двоякого рода психические деятельности несомненно подчинены истощению и необходимости физиологического возмещения, как в применении к столяру, так и по отношению к изобретателю стула. Но третий психический момент, имеющий, очевидно, решающее значение для теперешнего произведения стула, не подчинен процессу истощения и по образцу данного стула могут изготавливаться тысячи новых экземпляров, причем сама идея стула не подвержена процессу изнашивания и она не увеличивает поэтому стоимости (Kosten) стула, хотя и представляет формирующий объективно-психический элемент в производстве всякого отдельного стула. Если мы таким образом будем с должною строгостью различать между субъективным психическим содержанием какого-либо продукта и субъективной психической деятельностью, которая уже по данной норме содержания изготавливает продукт, то тогда обнаружится относительная верность утверждения, что ум ничего «не стоит», правда, обнаружится при этом и его относительная неверность, так как сама идея вещи, не обладающая стоимостью и не поддающаяся изнашиванию, воплощается в продукте не сама собою, а с помощью интеллекта, данное функционирование которого требует затраты органической силы и увеличивает стоимость продукта по тем же причинам, как и мускульный труд, хотя затрата психического труда естественно гораздо меньше, если уже преформировано содержание, чем если бы пришлось оригинально создавать содержание. Разница между этими двумя видами психического труда и восполняется неоплачиваемой услугой интеллекта. При обсуждении вопроса о роли психического труда в процессе образования ценностей всегда должна иметься в виду лишь субъективная психологическая затрата сил подражателем или изобретателем.

Стремление свести значение психического труда к значению физического труда является в конечном анализе лишь одной стороной очень общей тенденции установить единство

[469]

понятия труда. Речь идет о том, чтобы установить общее во всех разнообразных родах труда, разнообразие которых гораздо более широко и гораздо более разветвлено, чем простая противоположность между физическим и психическим трудом. Установление этого общего доставляет громадные практические и теоретические преимущества, так как благодаря этому мы получаем общую качественную единицу, с помощью которой возможно чисто количественное соизмерение ценностей, создаваемых человеческим трудом. Сведение качественных соотношений между объектами, соотношений постоянно остающихся неточными и неопределенными, к точным и определенным количественным соотношениям означало существенный прогресс во всех областях человеческого познания. Достигается это путем установления их внутреннего единства, которое в качестве всегда себе тождественного и неизменяющегося уже совершенно не требует считаться с собою при исследовании отдельных подробностей. У социалистов это стремление несомненно является простым продолжением и простым выводом из стремления свести вообще всякую ценность к экономической ценности, как ее исходному пункту и ее субстанции. И они не могут отказаться от этого стремления, раз они хотят довести до логических выводов процесс нивелирования, ибо только в области экономики можно представить себе осуществленным равенство индивидуумов, во всякой же другой области — интеллектуальной, чувственной, волевой, эстетической — подобное нивелирование даже по отношению к «продуктам труда» заранее осуждено на неудачу. Говорить же о нивелировании в этой сфере возможно только при сведении всех этих сторон к экономической, которая одна только и допускает приблизительное равенство распределения. Я отлично знаю, что современный научный социализм отрицает механически-коммунистическое равенство под одно, что он лишь стремится установить равенство в условиях труда, причем различие в степени одаренности, силы и усердия должно привести к различиям в занимаемом месте и образе жизни. Но по отношению к современному строю, при котором наследственное право, классовые различия, централизация капиталов и все возможные шансы конкуренции вызывают различия несравненно большие, чем различия в индивидуальных деятельности, это

означает не только фактическое уравнивание во всяком отношении, но при том еще, как мне кажется, уравнивание в области владения и наслаждения является теперь главным агитационным средством, действующим на массы.

[470]

Если исторический материализм сделался научной опорой социалистического учения, то при этом, как и вообще очень часто, систематическое построение шло путем как раз проти-воположным творческой работе мысли и не социалистическая теория была логически выведена из независимо от нее уста-новленного исторического материализма, а практически уста-новленная социально-коммунистическая теория лишь впоследствии создала единый возможный для нее фундамент — объяв-ление экономических интересов источником и общим знамена-телем всех других. Коль скоро это дело сделано, оставалось распространить подобное единство и на самую экономическую область и свести все разнообразие ее содержания к единству, которое создало бы над всяким индивидуальным трудом воз-можность равенства и справедливости.

Мало сказать, что ценность всех благ заключается в потра-ченном на них труде, так как этим не устраняются качествен-ные различия труда, выражающиеся в том, что меньшее коли-чество высшего труда создает равную или большую ценность, чем более значительное количество низшего труда. Этим со-здаются совсем уж иная шкала ценностей. Правда, и здесь ре-шающие качества излишества, оригинальности, трудности все-гда производятся вместе с трудом, и трудом и реализуются лишь как атрибуты труда; но, однако, при этом момент ценности опи-рается уже не на труд как труд, а на шкалу качественно постро-енную на совершенно самостоятельном принципе, случайным носителем которого является труд. Вследствие этого в облас-ти трудовой теории возникает также дилемма, с которой мы имеем дело в учении о философии морали, гласящем, что чув-ство счастья есть абсолютная этическая ценность. Если поступ-ки действительно нравственны лишь постольку, поскольку они ведут к счастью, то тогда всякое выдвигание более возвышен-ного, более духовного счастья как более ценного означает на-рушение этого принципа этики и введение нового определен-ного

принципа ценности. И возможен случай, что подобное счастье хотя количественно, т.е. как простое счастье, будет меньше, чем грубое чувственное, эгоистическое, но в сравнении с ним будет более достойно нравственного стремления. Этическая теория счастья является последовательной лишь тогда, когда все этические различия чувственного и духовного, эпикурейского и аскетического, эгоистического и альтруистического счастья, включая все явления, из них вытекающие и их сопровождающие, в последнем анализе суть лишь различия в степени одного и того же качественно всегда одинакового вида сча-

[471]

тья. Точно также и теория трудовой ценности не может уклониться от вывода, что все несомненно ощущаемые и неоспоримо существующие различия в ценностях, создаваемых двумя экстенсивно и интенсивно одинаковыми родами труда, в своей последней основе означают лишь, что в одних воплощено больше труда, чем в других и что только на первый и беглый взгляд кажется, будто эти ценности содержат одинаковое количество труда, при более же глубоком анализе обнаруживается фактическое неравенство в количествах затраченного труда, обуславливающее неравенство ценностей.

На самом деле это разъяснение не так уж неудовлетворительно, как это может показаться с первого взгляда. Надо только достаточно широко понимать слово — труд. Если сначала рассматривать труд, ограничиваясь его индивидуальным носителем, то и тогда очевидно, что в каждом более «высоком» продукте труда воплощено отнюдь не только количество труда, которое непосредственно потреблено на него. Здесь должны быть учтены *pro rata* как необходимый труд все те усилия, без которых данный сравнительно легкий труд был бы невозможен. Конечно, «труд» виртуоза-музыканта на концерте часто ничтожен в сравнении с его экономической и идеальной оценкой, но совсем иное дело, если мы примем здесь во внимание как его условие все усилия долгих годов обучения. Точно также и в тысяче других случаев высший труд служит выразителем большого по количеству труда, воплощенного только не в чувственно-воспринимаемом данном направлении, а в концентрировании и накоплении

предшествовавшего и теперешний труд обуславливающего напряжения; в той шуточной легкости, с которой истинный артист разрешает свою задачу, быть может накоплено несравненно более труда, чем в поту, который проливает бездарный артист, чтобы достигнуть несравненно более ничтожного результата. Однако, это сведение качественных различий труда к количественным различиям не должно ограничиваться чисто индивидуальными условиями, так как последние, очевидно, недостаточны для только что сделанного объяснения качественных различий труда, вызываемым талантом или совпадением объективных условий. Тут приходится прибегнуть к гипотезе наследственности, которая здесь, как и везде, где она имеет дело с приобретенными свойствами, представляет лишь общую возможность. Если мы согласимся с общераспространенным объяснением инстинкта, считая, что инстинкт состоит из накопленного опыта предков, который вызвал определенную целесообразную координацию нервов и мускулов и в

[472]

этой форме был унаследован потомками, причем у них целесообразное движение сменилось соответствующим раздражением нервов, происходящим чисто механически и не нуждающимся в личном опыте и упражнении, то тогда врожденный специальный талант можно рассматривать как особенно благоприятный случай инстинкта. Это именно тот случай, когда суммирование физически унаследованного опыта особенно резко проявляется в одном направлении и при таком расположении элементов, когда уже легчайшее раздражение вызывает богатую игру важных и целесообразных функций. То, что гению надо несравненно меньше знаний, чем обыкновенному человеку, чтобы создать то же самое; что гению известно то, что он лично никогда не испытывал — все эти чудеса указывают, по-видимому, на необычайно богатую и легко совершающуюся координацию унаследованной энергии. Если цепь унаследованных качеств проследить достаточно далеко и признать, что здесь все навыки и способности приобретены лишь путем настоящего труда и упражнения и могут быть развиты дальше, то тогда индивидуальная особенность гениального труда представится нам концентрированным результатом труда целых поколений. Особенно «одаренным» человеком является тот, в котором накоплен максимум труда его предков в потенциальной форме, годной для дальнейшего применения, так что более высокая ценность, которую представляет труд такого человека, в последней инстанции

сводится к количественно большему труду, конечно, не им лично затрачиваемому, но обуславливающему всю особенность его труда. Поэтому при условии равенства в активной затрате сил со стороны субъекта, деятельность была бы различно высока в той мере, в какой организация психофизической системы содержала бы в себе различную и с различной легкостью комбинирующуюся сумму переработанного опыта и умения предков.

Подобное толкование удерживает свое полное значение и тогда, если вместо того, чтобы выражать величину ценности в количестве необходимого для ее производства труда, будут выражать ее в «рабочем времени, общественно-необходимом» для его производства. И при этой теории более высокая ценность труда выдающегося человека обуславливалась бы тем, что обществу нужно было долгое время жить и действовать, пока оно произвело гения; нужен более долгий промежуток времени, имеющий обуславливающее влияние на ценность, чтобы создать не данный особый вид труда, а особенных людей, его производящих.

Это же самое можно выразить и в виде чисто объективного

[473]

процесса. Более высокая оценка результата труда при одинаковом субъективном напряжении является не только результатом личного таланта; существуют определенные категории труда, которые заранее относятся к более высоко оцениваемым, чем другие, так что деятельность, относящаяся к первой категории, не требует ни затраты больших усилий, ни большей одаренности, чтобы быть отнесенной к более высокому рангу, чем деятельность второй категории. Мы отлично знаем, что бесчисленное множество «высших профессий» не предъявляет к субъекту никаких более высоких требований, чем соответствующие «низшей профессии»; что рабочие в копиях и фабриках должны обладать ловкостью, способностью переносить лишения, презрением к смерти, которые поднимают субъективную ценность их труда неизмеримо

выше труда многих чиновников и даже ученых; что труд акробата или жонглера требует столько же терпения, ловкости и таланта, как труд иного виртуоза-пианиста, проявляющего свой талант без душевной страсти. И все-таки одна категория труда не только фактически оплачивается дороже другой, но кроме того подобного рода оценка беспристрастно признается нами справедливой. Вполне сознавая, что в данный продукт вложено столько же или даже больше субъективного труда, чем в другой, все-таки последнему продукту придают больше значения и ценности, так что, по-видимому, здесь оценка обуславливается не количеством воплощенного труда. Однако эта видимость устранима. Сделать это можно с помощью классификации родов труда с точки зрения количества труда, уже накопленного в объективных технических условиях, на почве которых только и возможен отдельный труд. Для того, чтобы вообще существовали высшие места в чиновничьей иерархии, необходимо, во-первых, чтобы была уже произведена неисчислимая работа в области администрации, необходимо, чтобы дух и развитие общей культуры сделали бы возможными и необходимыми эти места; во-вторых же, всякий отдельный труд высшей профессии предполагает предварительный труд многих низших профессий, так что высший труд действительно возникает только благодаря очень большому количеству уже совершенного и в него вошедшего труда. Отношение между квалифицированным и «не квалифицированным» трудом отнюдь не опирается только на более высокое развитие рабочего, но также и на более высокую и сложную структуру объективных условий труда, на его историко-техническую организацию. И вообще: то, что мы ценим как высший труд, руководясь родом профессии, а не личными качествами трудящегося

[474]

ся, представляет в развитии культуры одну из последних стадий, подготовляющуюся очень долго и своею технической предпосылкой требующую максимум труда живших раньше и теперь живущих людей, причем, конечно, совершенно несправедливо из этой созданной совершенно не индивидуальным трудом ценности объективного труда выводить особенно высокое вознаграждение и оценку труда его случайного носителя. Само собою разумеется, что этого масштаба не точно придерживаются. Часто подобным же методом оцениваются деятельность, лишенная этой правовой почвы, вследствие ли внешнего формального сходства, вследствие ли их исторической связи, вследствие ли того, что представители этих профессий пользуются социальной

властью, вытекающей из иного источника. Но во-обще вследствие сложности исторической жизни нельзя уста-новить никакой объективной или принципиальной связи между социальными явлениями без того, чтобы не приходилось счи-таться с подобными случайностями. В общем, мне кажется, можно согласиться с теорией, что различные оценки качествен-ного труда, при равенстве затрат субъективных сил, все-таки соответствуют различиям в количестве труда, который в непосредственной форме содержится в соответствующем труде. Та-ким путем получает свое временное обоснование теоретичес-кое объединение экономических ценностей, представляющее сущность трудовой теории.

Но всем этим уясняется лишь значение общего понятия труда и теория поэтому опирается на очень искусственную абстракцию. Могут возразить, что эта теория исходит из типической ошибки, что труд прежде всего есть труд вообще и лишь затем до извест-ной степени как определения второй степени его специфические качества делают его данным определенным трудом. Как будто те качества, в силу которых мы только и называем данную деятель-ность трудом, не входят нераздельно в понятие труда, и все это разделение и классификация опирается на совершенно произволь-но проведенные границы. Защищать это положение — это все равно, что утверждать, будто человек был сначала человеком вообще, а затем в реальном различии от этого сделался опреде-ленным индивидуумом! Конечно, трудовая теория делает эту ошиб-ку и кладет ее в основание социалистической теории. Понятие труда, которым мы выше занимались, определено собственно лишь отрицательно: труд вообще мы получаем после того, как отбросим от каждого отдельного вида труда все его отличитель-ные качества. Но получаемый подобным образом труд вообще ни в коем случае не тождествен, как это можно заключить по соблаз-

[475]

нительной аналогии с физическим понятием энергии, которая при качественной неизменяемости выступает то как теплота, то как электричество, то как механическое движение; по отношению к этой энергии возможно дать математическое выражение, которое в одном основном факте выражало общее у всех этих специфи-ческих явлений

и самые эти явления. Человеческий труд, говоря вообще, не допускает подобного абстрактного и в то же время определенного формулирования. Утверждение, что труд есть труд вообще и больше ничего, из которого выводят необходимость одинаковой оценки всех видов труда, означает нечто такое же не логическое, абстрактное и бессодержательное, как и теория, что всякий человек есть человек и поэтому все люди одинаково ценны и должны пользоваться одинаковыми правами и обязанностями. Если таким образом хотят вложить содержание в понятие труда, который в своей общей форме есть скорее слепое чувство, чем определенное содержание, то тогда необходимо более точное определение реального процесса, который зовется трудом. Субстанцией этого процесса, как я уже упоминал выше, выступают мускульный труд, и после того как мы выше, доказывая это, ограничились лишь доказательством, что психический труд ничего «не стоит», нам остается теперь доказать справедливость самого утверждения. Должен заранее заметить: я не считаю вообще невозможным, что когда-либо будет найден механический эквивалент и для психической деятельности. Конечно, значение содержания этого эквивалента, его объективное место в логической, этической и эстетической связи находится абсолютно по ту сторону всяких психических процессов, подобно тому как значение слова лежит по ту сторону его физиологически-акустического звука. Но сила, которую должен затратить организм в виде мозгового процесса, чтобы мыслить это содержание, принципиально говоря, может быть также учтена, как и сила, необходимая для мускульного труда. Если это удастся фактически, то тогда количество определенного мускульного труда может послужить единицей измерения и психической затраты сил, и психический труд, поскольку он вообще является трудом, будет рассматриваться точно так же, как и мускульный труд, и его продукты будут вступать с продуктами мускульного труда в простое количественное отношение ценностей. Все это, конечно, лишь интеллектуальная утопия, могущая привести лишь к тому, что сведение всякого экономического труда к затрате мускульного труда отнюдь не только с догматически-материалистической точки зрения не будет содержать никакого принципиального противоречия, которое, казалось, должно вытекать из непримиримого дуализма между психически-

[476]

ми и физическими явлениями. Другая теория может несколько более конкретно

приблизить нас к той же цели. Именно, здесь можно возвратиться к старой теории издержек производства и утверждать, что ценность всякого субъективного труда измеряется ценностью средств поддержания существования, — пищи, жилища, одежды, удовольствий и т.д. — необходимых индивидууму для производства данной работы, для возмещения затраченной на нее силы. Практика может привести или быть приведенной к тому, что ценности продуктов труда будут относиться друг к другу как затраты на возбуждение и поддержание затрачиваемой энергии. В этом специальном применении теория издержек производства утрачивает свой субстанциальный характер: отдельные ценности измеряются здесь не точно по издержкам производства, а в зависимости от них лишь настолько, насколько отношения ценностей друг к другу соответствуют отношениям между издержками их производства. Мотивы, которыми оправдывается эта символическая связь, содержат в себе особое представление об отношении между физическим и психическим трудом; мы легко можем представить себе, что в мозгу, как главном органе органического развития, скоплено очень большое количество энергии. Мозг, очевидно, в состоянии произвести очень большую работу, чем, между прочим, объясняется поразительная трудоспособность слабых мускулов при психическом раздражении их. И сильное истощение всего организма после психического труда, и упадок сил указывают на то, что психическая деятельность, рассматриваемая со стороны ее физического коррелята, потребляет очень много органической силы. Замещение этой потери не может быть достигнуто одним только увеличением средств поддержания существования, в которых нуждается мускульный труд, ибо способность тела принимать пищу довольно тесно ограничена и при преобладании психического труда она скорее понижается, чем повышается. Поэтому, при повышенном психическом труде возмещение потребляемой силы и возникновение нервного возбуждения может, вообще говоря, быть достигнуто лишь путем концентрации, утончения и индивидуализации приспособления жизненных средств и общих условий жизни. Здесь имеют важное значение два культурно-исторических момента. Наши повседневные средства питания были выбраны в такой период, когда все остальные условия жизни сильно отличались от условий жизни современных интеллигентных сословий, когда мускульный труд и свежий воздух преобладали над нервным напряжением и сидячим образом жизни. Бесчисленные непосредственные и косвенные болезни пищеварения, с одной стороны, сильное стремление к концентрированной и легко

[477]

ассимилируемой пище, с другой стороны, показывают, что теперь широко нарушено соответствие между нашим физическим строе-нием и нашими пищевыми продуктами. Из этого очень общего наблюдения видно, насколько справедливо требовать при диф-ференциации занятий дифференциации питания, и что это дело не только дело «Z ungen

Kultur

», но народного здоровья дать более высоко развитому рабочему средства для сверхнормального, бо-лее тонкого и индивидуально приспособленного питания. Более существенным и вместе с тем более скрытым является то обсто-ятельство, что психический труд гораздо более зависит от орга-низации всей жизни, что он окружен гораздо большей перифери-ей непосредственных отношенй, чем физический труд. Превра-щение физической силы в труд может совершаться, так сказать, непосредственнее, между тем как психические силы могут прояв-ляться при условии существования сложной системы физико-пси-хических настроений, впечатлений, возбуждений, при их опреде-ленной организации, окраске, при определенной комбинации по-кою и движения. Даже среди сторонников принципиального nive-лирования психического и мускульного труда сделалось уже три-виальным положение, что более высокое вознаграждение психи-ческого труда оправдывается физиологическими условиями его функционирования. Здесь нас интересует лишь то, что более вы-сокий эквивалент за психический труд обуславливается не более высокой ценностью, не более важным значением его содержания и результата, но лишь психофизиологией его носителя, в кото-рой именно кристаллизовано больше ценности, чем это имеет ме-сто при физическом труде. Этим устраняется принципиальное различие между способом оценки обоих видов труда, поскольку они от их

terminus

ad

quem

переносятся на их

terminus

ad

quo

и величины ценностей ставятся в зависимость от величины затрат, необходимых для поддержания рабочей силы трудящегося. Так как эти затраты чисто внешнего свойства и носят физиологичес-кий характер, то в существенном они одинаковы для мускульного и мозгового труда, отличаясь лишь степенью утонченности, про-должительности и т.п.

С этого пункта, с которого только и возможна координация обеих категорий труда, ведет к сведению всякого труда к мускульному убеждение, что те средства существования, которые обуслови-вают ценность психического труда, производятся, в конце концов, физическим трудом. Но никакой труд не является чисто физичес-ким, всякий ручной труд делается целесообразным лишь благо-даря тому или иному содействию сознания, так что и тот труд, который подготавливал внешние условия для высшего психическо-

[478]

го труда, содержал уже в себе элемент психического труда. Ценность этого последнего — представляющая часть «ценности» высшего труда, еще не разложившаяся на мускульный труд — в свою очередь, снова выражается в физическом труде, который необходим для его возникновения, для его поддержания. Так как с этим последним снова повторяется то же самое, — только, быть может, с меньшей примесью психического элемента, — то получается бесконечный ряд, в котором психический труд и его ценность, хотя и не могут никогда вполне исчезнуть, но в котором они отодвигаются все дальше и ценность его все более совершенно, но никогда абсолютно, может быть выражена в мускульном труде. Если таким образом под ценностью труда в вышеобъясненном смысле понимать затраты на его возбуждение и поддержание и на возмещение сил, то тогда необходимо расположить ценности различных видов труда в ряд, в котором бы ценность психического труда приближалась бы к предельной ценности — нулю, и, в конце концов «ценность» всякого труда сводилась бы к мускульному труду.

Замечу, что здесь, конечно, может идти речь лишь о пропорции, но ни в коем случае не о тождестве между стоимостью и ценностью труда. «Стоимость» («Kosten») означает лишь затраты уже готовых продуктов труда, и если бы ценность вновь создаваемых продуктов состояла бы лишь из этой стоимости, то тогда бы всякий труд был бы бессмыслен, так как при подобном «сохранении труда» была бы исключена всякая возможность возрастания ценностей. На самом же деле при нормальных условиях труд всякого рабочего создает большую ценность, чем издержки производства.

Зависимость между более ценным трудом и более высокими издержками на его производство обладает своеобразной особенностью, — она не может быть перевернута. Для того, чтобы совершить известную сложную работу, необходимо затратить очень значительные личные усилия, но однако не всегда достаточно большой затраты сил, чтобы исполнить эту работу; бездарный человек, хотя бы он и был поставлен в самые

благоприятные и утонченные условия жизни, никогда однако не сумеет сделать того, что сделает при этих условиях человек одаренный. Ряд продуктов, таким образом, может быть лишь тогда постоянной функцией ряда затраченных на них сил, если последние будут точно соответствовать личным дарованиям. Если даже принять невозможное, что последние могут быть точно определены и соответственно с этим в точности определены необходимые средства существования, индексом которых

[479]

будет служить высота производительности, то и тогда мы наткнемся на неравномерность в условиях содержания, необходимых для двух лиц, исполняющих одинаковую работу. В этом заключается величайшее препятствие для установления социального равенства. Как ни несомненно, что вообще более высокие психические дарования требуют для своего функционирования более утонченных условий жизни, все-таки человеческие дарования в своих требованиях по отношению к условиям функционирования чрезвычайно различны у разных людей. Из двух натур, которые способны к объективно одинаковому труду, один для проявления этой способности будет нуждаться в существовании совершенно иной среды, в совершенно иных материальных условиях, совершенно иных побуждениях, чем другой. Этот факт, приводящий к непримиримой дисгармонии между идеалом равенства и справедливости и идеалом максимальной интенсивности труда, еще не обратил на себя достойного внимания.

Различия в нашей психофизической организации, в отношениях между способствующими и препятствующими силами, в взаимодействии между интеллектом и волей приводят к тому, что деятельность, являющаяся продуктом личности и окружающих ее условий, находит в своем первом факторе (личности) в высшей степени неустойчивый элемент и поэтому, чтобы получить одинаковый результат, приходится всегда производить соответствующие изменения и во втором факторе (окружающих условиях). И при этом, по-видимому, для практического проявления способностей человека тем значительнее приходится видоизменять окружающие условия, чем более сложна и более духовна область деятельности. Лица, раз они вообще обладают

способностью к мускульному труду, занимающиеся физическим трудом, нуждаются в приблизительно одинаковых условиях жизни, но где заходит речь о руководящей, ученой, художественной деятельности, там во всей своей силе обнаруживается отмеченное выше различие между характером труда двух лиц, производящих, в конце концов, одно и то же. Таким образом, пропорция, фактически существующая между ценностями различных видов труда и стоимостями их воспроизведения и поддержания носит лишь очень общий, типичный, так сказать, классовый характер, и она не в состоянии дать точное определение труда отдельной личности, в особенности в сфере высших профессий. Здесь, стало быть, и лежит препятствие для сведения ценности психического труда на ценность труда мускульного.

[480]

Существует, наконец, еще третья точка зрения, с которой сведение всякой ценности на ценности мускульного труда утрачивает свой грубый плебейский характер. Если мы рассмотрим ближе, почему собственно мускульный труд считается ценностью и затратой сил, то тогда обнаружится, что обуславливается это не чисто физическим процессом труда. Я не хочу этим повторять уже сказанное, что физический труд вообще бесполезен, если им не управляет интеллект, в каком отношении психический элемент представляет лишь примесь к ценности, сущность же ценности продолжает обуславливаться чисто физическим трудом; только физический труд, чтобы быть известным образом направленным, нуждается в этой психической примеси. Нет, я хочу этим сказать, что физический труд получает весь свой характер ценности и стоимости лишь благодаря затрате психической энергии, являющейся его носителем. Если с внешней стороны всякий труд представляет преодоление препятствий, формирование материи, которая не сразу поддается этому формированию, а оказывает сопротивление, то и внутренняя сторона труда обнаруживает тот же характер. Труд — это усталость, тяжесть, трудность, а там, где эти свойства не обнаруживаются, мы не имеем дела с настоящим трудом. С чувственной стороны труд представляет постоянное преодоление импульсов к спокойствию, удовольствию, облегчению жизни, причем имеет второстепенное значение замечание, что беспрепятственное подчинение этим импульсам может сделать жизнь в тягость, ибо тягость неделания чувствуется лишь в очень редких, исключительных случаях, тогда как тягость труда не чувствуется лишь в редких, исключительных случаях. Никто поэтому не согласится взять на себя все

тягости труда, не получая за это ни-какого вознаграждения. Труд вознаграждается и за труд требуют вознаграждения, собственно говоря, вследствие того, что здесь происходит затрата психических сил, необходимая нам для пре-одоления нежелания трудиться и чувства неприятности, связан-ного с трудом. Если бы человек исполнял свой труд подобно тому как дерево цветет или птица поет, то тогда бы с трудом не было связано никакое эквивалентное вознаграждение. Таким образом и при мускульном труде вознаграждение обуславливается не его внешним процессом и не его результатами, а затратой воли, реф-лексами чувств, словом, психическими условиями. Этим пополня-ется теория, что всякая ценность и всякое значение предметов и обладания ими заключается в чувствах, вызываемых ими, что чисто внешнее обладание ими было бы безразлично и прямо бес-смысленно, если бы с ним не связывались внутренние процессы, аффекты удовольствия, наслаждения, расширения своего «я».

[481]

Таким образом непосредственность экономических благ с обеих сторон — и со стороны производителя и со стороны потребителя — ограничена психическими процессами, которые одни только и создают существование вознаграждения за создаваемые продук-ты. Подобно тому как всякое обладание вещами, не действующи-ми на нашу психику, не имело бы для нас ни интереса, ни значе-ния, точно также не представляла бы ни интереса, ни значения наша собственная деятельность, если бы она не вытекала из внут-ренних побуждений, неудовольствия, чувства жертвы, которое и обуславливает требование вознаграждения и величину его. По отношению к ценности можно поэтому сказать, что мускульный труд есть психический труд. Исключением из этого, по-видимому, могут считаться те виды труда, в которых с человеком конкуриру-ют животные или машины, ибо хотя по внутренним процессам, по затрате психических сил, этот труд ничем не отличается от всех прочих, но тот, для кого он производится, не имеет никакого инте-реса вознаграждать и за психическую сторону этого труда, так как единственно важный для него внешний эффект он может полу-чить путем чисто физического труда машины или животного, а более дорогой труд нигде не применяется, раз возможен более дешевый. Но рассмотрим глубже и тогда, быть может, обнаружит-ся, что и этот труд сводим к психическому. В работе машины и животного вознаграждается ведь тоже лишь человеческая дея-тельность, заключающаяся в изобретении, постройке и управле-нии машиной, в разведении скота и уходе за ним, так

что можно сказать, что при конкуренции человеческого труда с машинным или животным не первый оценивается как последний, но наоборот — последний рассматривается тоже как психически-человеческий. Это является лишь применением на практике следствия из теории, учащей, что и механизм мертвой природы рассматривается нами, в конце концов, как ощущения силы и напряжения, сопровождающие наши движения. Мы приписываем внешнему событию ту или иную силу или даже вообще причину потому, что мы делаем его зеркалом нашего внутреннего хотения. Подчинение всего нашего существа природе, рассмотрение его в связи с нею, становится возможным лишь благодаря тому, что мы раньше приносим в эту самую природу формы, чувства и импульсы нашей психики, неизбежно сливая в одном акте привнесение и выведение. Если мы применим это к интересующему нас практическому случаю, и деятельность механической и животной силы сведем к деятельности человека, то тогда, стало быть, стирается принципиальная граница между человеческим трудом, вознаграждение которого опирается на психический фундамент, и человеческим

[482]

трудом, который вследствие сродства его эффектов с эффектами внешне-механического труда, казалось, лишен этого фундамента. Можно таким образом выставить теперь общее положение, что со стороны ценности различие между психическим и мускульным трудом не есть различие между психической и материальной природой, что и при мускульном труде вознаграждение, в конце концов, требуется за внутренний процесс, связанный с трудом, за неприятность напрягать силы, за затрату волевой энергии. Правда, этот духовный элемент, являющийся вещью в себе по отношению к явлению труда и образующий внутреннюю ценность последнего, носит не интеллектуальный, а чувственный и волевой характер, откуда следует, что эта внутренняя ценность не координирована с ценностью психического труда, а сама ее обосновывает. Ибо и при психическом труде требование вознаграждения выдвигается впервые не объективным содержанием психического процесса, а субъективной руководящей функцией, являющейся его носителем, — тяжестью труда, затратой энергии, нужными для производства этого психического содержания. Так как в силу сказанного, источником ценности являются психические процессы не только со стороны потребителя, но также со стороны производителя, то мускульный и «психический» труд

полу-чают общее, можно сказать, моральное обоснование ценности, устраняющее всякий банальный и грубо материальный характер в сведении всякой ценности на ценность мускульного труда. Здесь наблюдается то же самое как и в теоретическом материализме, который приобретает совершенно иной и гораздо более научный характер, если защитники его подчеркивают, что и материя его представление, а не сущность, в абсолютном смысле находящаяся вне нас и противостоящая душе, что познание этой материи всецело обусловлено формами и предпосылками нашей духов-ной организации. С этой точки зрения, превращающей различия между физическими и духовными явлениями из абсолютных в относительные, уже гораздо более логично стремление искать объяснения духовных явлений в узком смысле этого слова путем их сведения к физическим. Здесь, как и в практическом вопросе о ценности, внешнее по отношению к внутреннему должно быть лишено неподвижности, изолированности, резкого противопостав-ления, благодаря чему оно сумеет служить простейшим выраже-нием и единицей измерения для более высоких «духовных» явле-ний. Удастся подобное сведение или нет, во всяком случае, оно, по крайней мере принципиально, считается с требованиями ме-тода и основными положениями понятия ценности. Однако, одно из затруднений, встречаемых в теории трудовой ценности, по-ви-

[483]

димому, непреодолимо и вытекает оно притом из совершенно три-виального возражения, что ведь существует и бесценный, бес-полезный труд. Когда отвечают на это, что под трудом как осно-вой ценности понимают, конечно, лишь целесообразный, оправ-дывающий свои результаты труд, то этим самым признают эту теорию неудовлетворительной. Если существует ценный и бес-ценный труд, то тогда без сомнения существуют и промежуточ-ные ступени, существуют продукты труда, который содержит в себе часть, но не весь элемент ценности и целесообразности; таким образом ценность продукта, согласно предположению, определя-емая заключенным в нем трудом, является большею или мень-шею в зависимости от целесообразности этого труда. Это значит: ценность труда определяется не по количеству затраченного тру-да, а по полезности его результата. И здесь уж не может спасти нас тот прием, к которому мы прибегли выше, говоря о качестве труда: более высокий, более тонкий, более духовный труд озна-чает в сравнении с более низким больше труда, означает скопле-ние

и сгущение того же самого «труда вообще», который в более разреженном виде, в более низкой степени содержится в грубом и неквалифицированном труде. Ибо это различие труда носило внутренний характер, совершенно не затрагивающий вопроса о полезности, полезность же заранее предполагалась при этом при-сущей данному труду. С этой точки зрения труд чистильщика улиц не менее полезен, чем труд виртуоза-виолончелиста, более же низкая оценка первого проистекает из его характера простого тру-да, из меньшей концентрации в нем рабочей энергии. Но теперь обнаруживается, что подобное предположение слишком уж про-сто, и что различия во внешней полезности труда не позволяют ставить различия в оценке труда только в зависимости от его внут-ренних качеств. Если бы могли уничтожить бесполезный труд или вернее различия в полезности труда и сделать, чтобы труд был в той мере более или менее полезен, в какой он более или менее концентрирован, более или менее поглотил сил, словом, в какой мере он содержит большее или меньшее количество труда, тогда бы трудовая теория ценности была справедлива.

Требование рабочего, чтобы пользование ценностью выте-кало бы только из ее создания, чтобы всякий вознаграждался бы лишь за свой личный труд — не только недостаточно обо-сновывается теорией трудовой ценности, но даже вообще мо-жет быть выведено из нее лишь путем ошибочного умозаклю-чения; ибо, если эта теория и в состоянии доказать, что всякая ценность есть труд, то отсюда отнюдь еще не следует, что вся-кий труд есть ценность, т.е. равная ценность. А между тем она

[484]

должна принять это, раз она не хочет ценность труда ставить, в конце концов, в зависимость от его полезности, вместо количе-ства затраченного труда. Таким образом, для осуществления этого требования, необходимы учреждения, которые бы устра-няли возможность дисгармонии между высотой полезности и высотой его количества. Это же, в свою очередь, предпола-гает вполне рационализированный экономический строй, в кото-ром бы всякий труд производился планомерно и не допускался бы ни какой труд, не нужный для организации и целей целого, словом такой строй, к которому стремится социализм. Града-ция ценности труда по степени полезности его результатов, начиная

от совершенно бесполезного труда, переносит оценку ценности с ее внутренней стороны на внешнюю, и это перенесение возможно лишь при идеальной организации труда в техническом и социальном отношении, организации, которая одинаково достижима как путем понижения, так и путем повышения культурного уровня. Потребности могут быть настолько упрощены и понижены, что для их удовлетворения нужен будет труд одинаковой степени полезности: когда производится лишь самое необходимое, тогда всякий труд одинаково нужен и полезен. Или же наоборот, благодаря высочайшему развитию культуры ум может стать полным господином всех условий производства и идеал справедливости — полным господином социальной оценки полезности труда, так что возможно будет установить точную пропорцию между полезностью и количеством труда: продукт, производимый разными людьми в одинаковое количество времени, будет все-таки не одинаково полезен, но можно достигнуть того, чтобы продукт ценился в такой же степени полезным, в какой в нем воплощен более концентрированный, более интенсивный, чисто индивидуальный труд. Никакая культура не может существовать без различия между высшим и низшим трудом; самая развитая, — но к сожалению, вполне утопическая, — может, благодаря объективному прогрессу и психической переоценке, привести к тому, что это различие в своих практических последствиях будет точно соответствовать различию между большей и меньшей затратой труда, объективно с ним ни в коем случае не совпадающим. Противники социализма считают, что всякая ценность может быть сведена к затрате труда лишь путем понижения культурного уровня, сторонники его, — что лишь путем повышения этого уровня.

[485]